

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, В. ЛУГОВКИН (тема).

№ 33 (2727)
ноябрь 1991

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

Учредители: трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил» и издательство «Правда».

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Редакция не рецензирует присланные литературные и изобразительные материалы. Рукописи объемом меньше 2 печатных листов не возвращаются.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-15-47,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 18.10.91.
Подписано к печати 28.10.91.
Формат бумаги 70 × 108⅛.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 2 102 000 экз.
(1-й завод: 1—1 552 371).
Зак. № 1054. Цена 75 коп.

Типография издательства «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

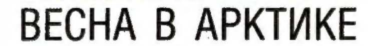

В. ЛУГОВКИН.

НАШ ЧЕЛОВЕК В КИОТО. КТО ОН?

См. стр. 13, 16.

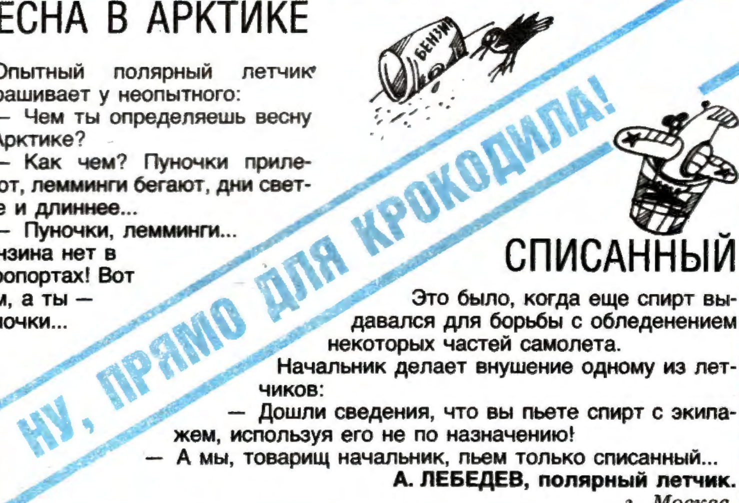
ВЕСНА В АРКТИКЕ

Опытный полярный летчик спрашивает у неопытного:

— Чем ты определяешь весну в Арктике?

— Как чем? Пуночки прилетают, лемминги бегают, дни светлее и длиннее...

— Пуночки, лемминги... Бензина нет в аэропортах! Вот чем, а ты — пуночки...

СПИСАННЫЙ

Это было, когда еще спирт выдавался для борьбы с обледенением некоторых частей самолета.

Начальник делает внушение одному из летчиков:

— Дошли сведения, что вы пьете спирт с экипажем, используя его не по назначению!

— А мы, товарищ начальник, пьем только списанный...

А. ЛЕБЕДЕВ, полярный летчик.
г. Москва.

Правительство стоически переносило несчастья своего народа.

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ.

ВИЛЫ БЕРЕТ ЧИТАТЕЛЬ

НА БЕРЕГАХ ТУХЛЯНКИ

Тухлянка — так называлась река, что протекает в нашем городе Углегорске. Но теперь ее окрестили иначе: японским словом Масурао. Видно, слишком неблагозвучно называлась наша река.

Когда-то, лет 45 назад, вспоминают старожилы, по реке плавали катера, мальчишки ловили рыбу... Сейчас все забито отходами целлюлозно-бумажного производства, старыми автопокрышками и прочей нечистью, что стекает в Татарский пролив и на пляжи. Мечтает директор ЦБЗ тов. Соловьев построить отводной трубопровод, сбрасывающий отходы непосредственно в Татарский пролив. Но денег нет, да и некому строить очистные сооружения.

Еще вдоль реки петляет грязная, ветхая узкоколейка, по сторонам которой валяются бревна, перевернутые вагонетки.

А ведь богат наш остров Сахалин! Но нам, островитянам, достаются от тех богатств крохи. Сплошные парадоксы: есть нефть, но нет бензина, есть газ, но мы не газифицированы, есть рыба, икра, пушнина, но не в наших магазинах. Городские власти продолжают штопать, латать дырявый бюджет, которого не хватает на самое необходимое.

В. ЯКОВЕЦ, рабочий леспромхоза.
о. Сахалин.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ШАРЖ

В. МОЧАЛОВ.

Нина АНДРЕЕВА

НАЗВАЛСЯ ГРУЗДЕМ...

Выдающийся советский историк Степан Борисович Веселовский выписывал из тысяч древних документов, которые ему приходилось изучать, имена, прозвища и фамилии русских людей XV—XVII веков. Так был составлен сборник «Ономастикон» (ономастика — наука о происхождении имен и фамилий). Давайте полистаем его страницы, там есть немало забавного...

Среди волоколамских вотчинников XVI века были, например, Степан Пирог Оладьин да еще Андрей Коровай Оладьин. У муромского помещика Сумы Васильевича Кравкова были сын Мешок Сумин и внук Матвей Карман. Бежецкий дворянин Леонтий Поскочин имел двух сыновей, которых звали Друг и Товарищ. В XV веке в Новгороде был помещик Иван Линь, а у него сыновья Андрей Иванович Сом да Окунь Иванович. В Рязани веком позже жили братья Добыча и Неудача Алымовы. Среди смоленских дворян Фоминских-Березуйских находим целый букет: отец Иван Григорьевич Осока-Травин и его сыновья Григорий Пырей, Иван Атава (то есть отава, молодая травка), Василий Вязель (полевой горошек), Семен Дятелина (клевер, кашка), а у Ивана Атавы был сын Щавей, то есть щавель.

«А СЛАВА ТЕБЯ НАЙДЕТ...»

Немногие инженеры могут сравниться с конструктором паровозов Лондонской и Северо-Западной железных дорог конца прошлого века Френсисом Уэббом. В одной из книг по проектированию паровозов — в указателе имен — значится: «Уэбб Френсис — его некомпетентность».

Многие из созданий этого конструктора можно назвать выдающимися: хотя они не были ни быстроходнее, ни мощнее других локомотивов, зато были значительно более дорогостоящими в производстве, менее эффективными в работе и худшими в эксплуатации. Конструктор всячески стремился улучшить эти модели, и в результате они зачастую вообще переставали двигаться. К примеру, у созданных им паровозов класса «Тевтон» были две пары ведущих колес, не соединенных друг с другом. Эти пары были способны одновременно вращаться... в противоположных направлениях. Локомотив стоял неподвижно, окутанный клубами пара, и с бешено вращающимися колесами. Чтобы преодолеть эту недоделку, к поезду приходилось цеплять сразу два паровоза — один уэббовский, а другой обычный — только для того, чтобы сдвинуть состав с места.

ЧТО ЖЕ ЛЕГЧЕ?..

На рубеже нашего столетия занятия фотографией были своеобразной модой, которая охватила разные слои тогдашнего общества. На какое-то время увлекся фотографией и И. Е. Репин. Однако тогдашняя фотографическая техника была еще очень несовершенной, и, чтобы получить пристойные снимки, нужно было порядком повозиться. И Репину все эти хлопоты скоро надоели. «И зачем только выдумали это нелепое новшество? — недоумевал великий художник.— Ведь гораздо легче и проще написать портрет!»

И КНУТОМ, И ПРЯНИКОМ...

В середине прошлого столетия пожарная команда города Иркутска была известна своей медлительностью и нерасторопностью на всю Сибирь. Пока пожарные добирались до места происшествия, там уже часто нечего было спасать. В конце концов тогдашний генерал-губернатор Сибири Муравьев сместил тамошнего полицмейстера. Через несколько месяцев Муравьев решил проверить, есть ли сдвиги к лучшему, и устроил смотр иркутским пожарным. К изумлению генерал-губернатора, перемена была разительной: пожарные стали на диво проворными и ловкими. Похвалив нового полицмейстера, пораженный Муравьев стал допытываться, как тому в столь короткий срок удалось добиться таких потрясающих успехов. Полщенный полицмейстер скромно ответил, что все было очень просто. Он стал постоянно устраивать учебные тревоги, после которых наиболее старательный пожарный получал серебряный рубль, а самый нерадивый и медлительный — десяток розог!..

●

Близнецов «ССС» развлекали Ю. БОНДАРЕНКО (Санкт-Петербург), Ю. ЗОЛОТОВ (Москва) и В. НЕВГОД (Киев).

— Извините, мы немножко опоздаем. Муж никак не может собраться!

«Дейли миррор», Англия.

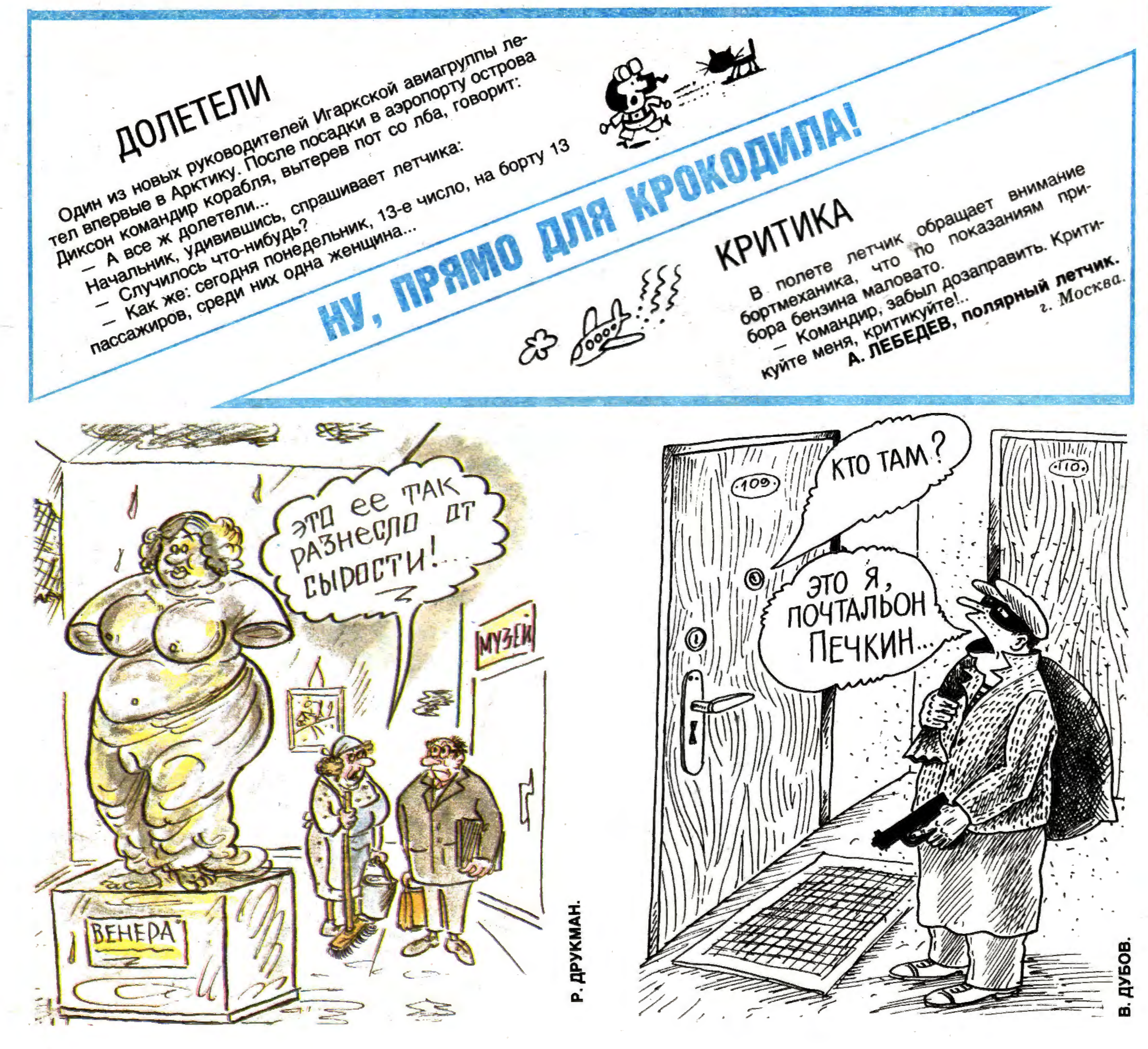
Старая Сказка
Часть II
Сергей Репьёв

В одном царстве-государстве жил солдат
И была у него сварливая жена...
У всех мужья, как мужья, а у меня?
Вот, маркиз Карабас завёл кота в сапогах и тот для его жены замок отбил у великана!..
Счастливый случай
...или старик, который выловил для старухи золотую рыбку!
!!!
— А твоей военной пенсии хватает лишь на пищу для кота...
МЯ!
Без сапог!
Иди и без золотой рыбки не возвращайся! Попроси хотя бы новое корыто!
И пошёл солдат куда глаза глядят.
Шёл он, шёл...
Пока, наконец...
Трактир «Золотая рыбка»
Меню
Рыбка золотая в тесте 98 р.
Моих средств хватит разве что на алюминиевую рыбку...

Продолжение на стр. 5. ▶

О. ТЕСЛЕР, В. ЛУГОВКИН (тема).

ДОЛЕТЕЛИ

Один из новых руководителей Игаркской авиагруппы летел впервые в Арктику. После посадки в аэропорту острова Диксон командир корабля, вытерев пот со лба, говорит:
— А все ж долетели...
Начальник, удивившись, спрашивает летчика:
— Случилось что-нибудь?
— Как же: сегодня понедельник, 13-е число, на борту 13 пассажиров, среди них одна женщина...

НУ, ПРЯМО ДЛЯ КРОКОДИЛА!

КРИТИКА

В полете летчик обращает внимание бортмеханика, что по показаниям прибора бензина маловато.
— Командир, забыл дозаправить. Критикуйте меня, критикуйте!..

А. ЛЕБЕДЕВ, полярный летчик.
г. Москва.

Р. ДРУКМАН.

В. ДУБОВ.

«Ты мне — я тебе.»
Лозунг боксеров.

В. АГАФОНОВ.

Ирония — предохранительный клапан желчного пузыря.

То, что можно быку, не к лицу Юпитеру!

Б. ЛЕСНЯК.

ХРЕН БЕЗ СОЛИ

Ю. КАЗАНЦЕВ, специальный корреспондент Крокодила

В раздвоенных чувствах я садился за этот фельетон. С одной стороны — не писать нельзя, а со стороны другой, если все то, что стало мне известно, обнародовать, то ведь как знать: а вдруг именно этот номер «Крокодила» (журнал приличным тиражом поступает за границу) попадет на глаза какому-либо сердечному иностранцу, который только-только вывел на громадной, как вагон, посылке с гуманитарной помощью адрес примерно такой: Тюменская область; или же Ленинградская; или же Марийская ССР; или же область Львовская... Этот гражданин убежден, и он не так уж и далек от истины, что в бывшем СССР сейчас лихо и голодно; что — как это будет по-русски? — в Стране Советов доедают хрен без соли и потому его христианский (мусульманский, иудейский, буддийский...) долг помочь соседям по планете Земля. И тут попадается сострадальцу на глаза «Крокодил» вот с этим фельетоном, и по его прочтении, очень даже вероятно, затрет гражданин советский адрес на посылке и начертает: «ЭФИОПИЯ» или же «ВЕРХНЯЯ ВОЛЬТА» — в тех краях что голод, что засуха неподдельны и честны, там продукты и медикаменты окажутся много нужнее, чем в бывшем СССР. Боясь такой реакции, мне бы и хотелось предварить фельетон обращением к закордонным благотворительным миссиям, фондам, частным добродеям: господа! У нас действительно сложно, лихо с уклоном в голод, и то, что вы прочтете в фельетоне,— это при всей громадности явления все же не повальная практика, а вывихи нашей экономики, «совковой» морали и сознания. А теперь позволим себе перейти непосредственно к предмету письма.

Итак, в Нижнем Новгороде, бывшем Горьком, функционирует Горьковский автомобильный завод, который наряду с грузовиками в приличных количествах выпускает автомобили «Волга». Машина, ну, не сказать, что венец комфорта, дизайна, экономичности, но в наших условиях идет на «ура». И вот в канун развала Союза администрация ГАЗа прикинула: партнерские связи гулко лопаются, комплектующие машин (у ГАЗа более двух тысяч поставщиков) дорожают из часа в час, если поступают вообще. Не худо бы в этих условиях тоже встать в позу, загнуть потребителя в бараний рог! Но загнуть с соблюдением законности! Госзаказ — это, конечно, дело святое, госзаказ, кровь из носу, выполнять надо, а вот те машины, которые напроизводим сверх плана, их надо сбагрить так, чтоб обидно не было.

И схемка отношений была предложена вот какая: потребитель, коли хочет получить машину вне очереди, естественно, по госцене (спекуляции не допускается), должен умаслить ГАЗ какой-либо высокоспросной продукцией, тоже по госцене и в договорных количествах. Коли находится общий язык и понимание — милости просим за машиной. Ну а стоит ли говорить, что за предложениями дело не стало? Птицефабрика Лаголово (Ленинградская область) за право приобрести один ГАЗ-24 пригоняет на завод 100 тонн кур на 240 тысяч рублей; Приморский сахарный завод снискал приязненность автогиганта тремястами тоннами сахара; Семикаракорский маслодельно-сыроваренный завод (г. Ростов-на-Дону) за «волжанку» прикатил пятьдесят тонн сыра; Ситниковский молочно-консервный комбинат (Тюменская область) поставил благодетелю сгущенное молоко на 260 тысяч рублей... И т. д., и т. д., и т. д.

Назвать эту практику спекуляцией в особо крупных масштабах?! Так нет тут наживы в уголовном понимании этого слова. Отношения строятся в законных рамках. Купля-продажа и с той, и с другой стороны осуществляется товаром, произведенным сверх плана, то есть таким, которым коллектив-производитель может распоряжаться по своему усмотрению. И ради Бога! Я всецело за самостоятельность. Но свербит, смущает один вопрос: а знает ли коллектив-производитель о том, как распорядилось руководство его прибавочным продуктом? Есть все основания полагать, что сотни трудовых коллективов об этом не ведают, автомобильные вопросы решаются келейно и втайне. Нужно директору новое, престижное по нашим меркам авто — вынь его и положь! Бывает, и в личное владение. Это в обращениях на ГАЗ и не всегда скрывается. «Предприятие п/я Ю 9646 г. Васильков просит выделить две автомашины ГАЗ-24, одну—в личное пользование. Взамен п/я Ю 9646 может предложить по госцене 41 тыс. штук электроутюгов, 70 тыс. штук электрокипятильников».

Сомневаюсь, товарищи, и тут я сомневаюсь, что коллектив п/я Ю 9646 в едином порыве отвалил бешеное количество сверхплановых дефицитнейших изделий, чтобы их, а может, и не их, но обязательно начальник заполучил без очереди, по госцене «волжанку» за его, коллектива, счет!

— Я, Юрий, признаться, не все у вас могу понимать,— говорил мне деликатнейший представитель одной из зарубежных фирм.— У вас, это видно без цейсовских стекол, очень сложное положение в экономике. В этих условиях нужно проколоть лишние дырочки на поясе и потуже его затянуть. Экономить каждый пфенниг. Но я вижу обратное. К примеру, директор той организации, где мы снимаем офис, недавно купил «вольво». Это, конечно, его дело. Но, на мой взгляд, валюту можно было использовать рациональнее. Установить, к примеру, современные средства связи, купить приличные телефоны, компьютеры, ксероксы... Удивительно: работники конторы очень часто к нам обращаются — сделать копии документов. Мы, конечно, не отказываем, но, мне кажется, удобнее иметь свой ксерокс, чем просить его у другого. Я прав? А завод купил «вольво». Это очень дорогая машина. Зачем? Я хочу понять, это мне нужно для работы...

И тогда, год назад, я, как мог, объяснил любопытствующему немцу, что у нас в СССР здравый смысл и экономика не всегда идут рядом. К примеру, сами находясь на полуголодном пайке, мы можем помогать так называемым развивающимся странам, которые по уровню жизни обходят нас по всем статьям. За нами это водится. И называется интернациональным долгом. Далее, Карл, не надо забывать, что мы являемся государством не только рабочих и крестьян, но и государством начальников. Так вот, начальникам в своей массе плевать на экономику, прибыль, нужды своих ближних, если дело касается их личных благ. Пример тому ты привел сам. Но, обнадежил я немца, грядут перемены. Рынок — он все расставит по своим местам. Расточители разорятся, экономы обогатятся, разум восторжествует!

И вот минул год. Страну сотрясли и продолжают сотрясать социальные конфликты. Множество предприятий — руки на горло, колено на грудь — отвоевали у государства право самостоятельно распоряжаться значительной частью произведенного продукта. Но являются ли коллективы действительными хозяевами своего добра? Нет! Действительными правителями были и есть бюрократы. Пусть разваливается производство, пусть старики, угробившие на нем здоровье и положившие на его алтарь жизнь, влачат нищенское существование; пусть не оборудованы и опасны для жизни рабочие места — плевать! Бюрократ хочет иметь кастовую машину — «Волгу»!

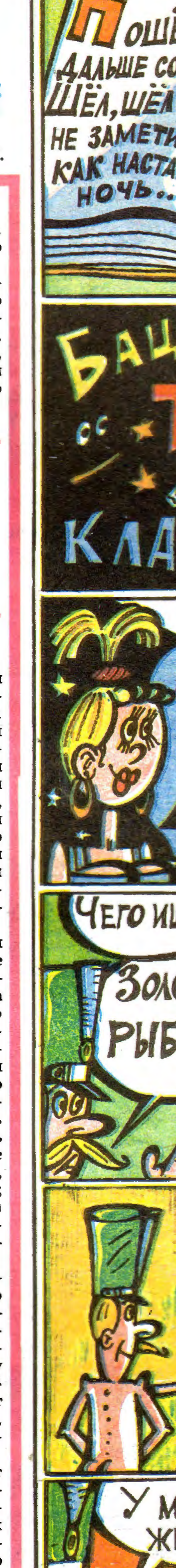
Тут особо следует отметить хозяйство имени XXII партсъезда Сальского района Ростовской области. Уникально! Колхоз, находящийся в тяжелом положении, вместо того, чтобы потуже затянуть кушачок, сулит ГАЗу стадо аж в двести голов крупного рогатого скота. Взамен слезно вымоляет «волжанку», одну штучку. Лады? «Ну, конечно, лады,— отвечает завод.— Давайте мясо, берите автомобиль».

И бюрократия рада стараться, гонит в Нижний Новгород, не считаясь с затратами и прямыми убытками, ЭШЕЛОНЫ продовольствия, в то время как в той же Тюменской области, Ленинградской и прочих областях в меню населения все чаще вносится коронное блюдо нашего времени — хрен без соли! И есть такие сведения, что даже за ним кое-где уже приходится выстаивать очередь.

г. Нижний Новгород.

◄ Со стр. 3.

Продолжение на стр. 7. ►

В. ЛУГОВКИН.

В. ПОЛУХИН, В. ТИЛЬМАН (тема).

Леонард
КОНДРАШЕНКО

САТИРОЗЫ И ЮМОРЕЗКОСТИ

О ХРАМАХ И ХАМАХ

Раньше было
больше храмов,
Утверждает
наш народ.
Больше храмов —
меньше хамов,
А теперь —
наоборот!

ДВУЛИКИЙ ЯНУС

Судили Януса.
Всем ясно, что — двулик.
Оправдан...
За отсутствием улик!

МИНИ-БАСЕНКА ПРО ЛЬВА

Лев ел зверей. Лев зло творил.
И, словно в назидание,
Он «До съеданья!» говорил
Им вместо «До свидания!».

Николай
КРАСИЛЬНИКОВ

КТО СКОЛЬКО ЖИВЕТ

Ходже Насреддину
Один аксакал
За чашкою чая
Однажды сказал:
— Прошу вас, мудрец,
Не сочтите за труд,
Скажите, а сколько...
Собаки живут?

С улыбкой мудрец
Бородой покачал:
— Лет двадцать, не больше...—
Вздохнул аксакал.

— А сколько на свете
Продержится гусь?
— Лет семь... Но точнее
Сказать не берусь.

— А мышь,
О мудрец,
Та, наверно, до ста?
— За труд не сочтите,
Спросите...
Кота!

Вольт СУСЛОВ

НА ДИСТАНЦИИ

Бегун сказал другому на бегу:
— Когда бегу, я думать не могу.
В башке —
лишь график бега да режим! —
Другой спросил:
— А мы туда бежим?

НОВЫЙ НАЧАЛЬНИК

Все говорили:
— Наш начальник — дуб!
Он неотесан, толстокож и груб! —
Убрали.
И теперь уж каждый день
Все говорят:
— У нас начальник — пень!

г. Санкт-Петербург.

СОВЕТ ВОДИТЕЛЮ

На дорогах стало строго —
Так что шибко не гони!
У милиции прав много —
У водителя — одни!..

Владимир
МИХАНОВСКИЙ

ПЬЕДЕСТАЛ

Вождь рухнул, на куски распался,
Чем никого не удивить.
Однако пьедестал остался...
Как святу месту пусту быть?

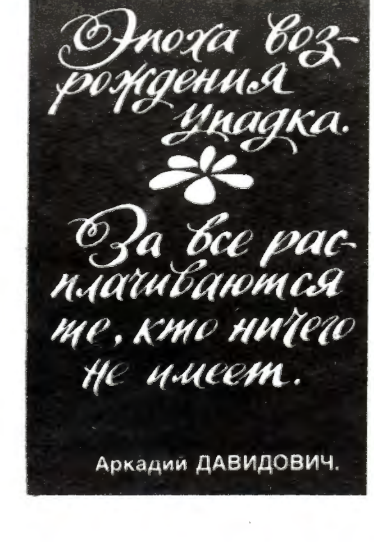

Ему-то здесь не одиноко ль
Мечтать в молчанье о былом?
Разрушим заодно и цоколь.
До основанья...
А потом?

— Мадемуазель Женевьева, уверяю вас, это моя жена!

«Рир», Франция.

— Как видите, господа, правление нашей фирмы экономит на всем.

«Панорама», Голландия.

Юрий БОРИН,
экономический обозреватель Крокодила

ДЕЛАЙТЕ ВАШИ СТАВКИ, ГОСПОДА!

или Хлеб в экспортном исполнении

Признаться, уже давно меня мучит вопрос: чем занимается в нашей стране организация под названием «Экспортхлеб»?

Может, это просто рудимент старого? Так сказать, остатки прежней роскоши, когда мы были законодателями мод на мировом хлебном рынке. Да, такое было. Лет этак семьдесят с гаком назад. Тогдашняя царская Россия кормила пшеницей чуть ли не всю Европу. А уж немецкое свиноводство и вовсе вскормлено российским ячменем.

За полвека после отмены крепостного права вывоз хлеба из России возрос в десять раз и составил в 1911 году свыше одного миллиона тонн. Хлеб был основной статьей российского экспорта.

Надо сказать, что по своим природным качествам русский хлебушек славился в мире, а лучшие сорта американских пшениц выращивались из русских семян. Интересно, когда же это мы утратили свое превосходство?

А утрачивали мы свое хлебное превосходство постепенно. Даже в 20-е годы продолжался экспорт зерна в разные страны. Однако первый удар по русскому хлебу был нанесен аккурат в «год великого перелома», когда наступила скоропостижная коллективизация. Экспорт упал вдвое. А на следующий, 1930 год мы впервые завезли хлеб из-за границы. И пошло-поехало по нарастающей. Одновременно с новыми замечательными победами колхозного строя.

Тем не менее даже в послевоенные голодные годы мы по старой традиции продолжали не только ввозить, но и вывозить хлеб. В основном в страны так называемого социалистического лагеря. Солагерники нуждались в подкормке из рук «старшего брата». И мы гнали хлеб туда, не получая ничего взамен.

Ну ладно, это, как сказал поэт, дела давно минувших дней. Но в наши дни, когда мы сидим на голодном пайке, когда ежегодный ввоз в нашу страну достигает 35—40 миллионов тонн зерна, неужели не настала пора хотя бы переименовать «Экспортхлеб» в «Импортхлеб», что больше соответствовало бы фактам?

Оказывается, нельзя. Оказывается, мы не только ввозим хлеб, но и вывозим. Да-да, мы вывозим хлеб, которого нам так остро не хватает. С одной стороны, мы закупаем зерно за валюту, которой у нас тоже нет, а с другой стороны... Фантастика!

Кому же мы отправляем наш драгоценный хлебушек?

Конечно же, на Кубу! В прошлом году, например, наша страна экспортировала 1 миллион 200 тысяч тонн хлеба (больше, чем царская Россия в благополучные годы). Из этого количества один миллион сто тысяч получил остров Свободы, столь нас любящий. Остальное по мелочи Афганистан, Камбоджа и прочие «друзья». Таковы данные, полученные в Госкомстате страны.

Не правда ли, любопытно? Не говоря уже о том, что мы отправляем 2 миллиона тонн других продуктов примерно по тем же адресам. И среди этих продуктов как раз то, в чем мы с вами нуждаемся: мука и крупа, сахар и мясо, сливочное и растительное масло... В общем, мы бедные, но щедрые. Хотя, как правило, мало кто это ценит. И уж тем более мало кто рассчитывается с нами за эти поставки. К примеру, та же Куба задолжала нам, по далеко не полным данным, 15 с половиной миллиардов рублей. А всего с бывших соц- и развивающихся стран нам причитается около 86 миллиардов.

Говорят, мы не можем нарушить прежние соглашения. Для нас престиж своей страны дороже всего. А для наших должников? Им на свой престиж плевать? Но ведь если соглашения нарушает другая страна, то почему мы должны быть такими лопоухими? Почему не столь уж давно представитель рыжковского правительства академик Абалкин помчался на Кубу заключать новые соглашения о поставках? Что, при Рыжкове нам жилось лучше? Или кубинский диктатор всей душой поддерживал наши начинания?

Нынешний мир меняется не по дням, а по минутам. Нет уже соцлагеря, развалился напрочь. Но не только он развалился. Нет уже и той страны, которая подписывала соглашения: Союза Советских Социалистических Республик. Есть некое «экономическое пространство» (и неясно, как нас теперь называть: гражданами пространства, что ли?).

А «Экспортхлеб» есть. И экспорт хлеба тоже идет. Как и, естественно, импорт. И мы, налогоплательщики всей страны, платим за этот импорт валютой, которой у нас нет. Или еще есть? Но тогда зачем отдавать оставшуюся валюту американскому или канадскому фермеру? Не лучше ли отдать ее нашему, отечественному фермеру, который сможет закупить в той же Америке или Канаде, или, допустим, в Японии или Германии сельскохозяйственную технику и с помощью этой техники обеспечить нас и хлебом, и всеми прочими продуктами на всю оставшуюся жизнь?!

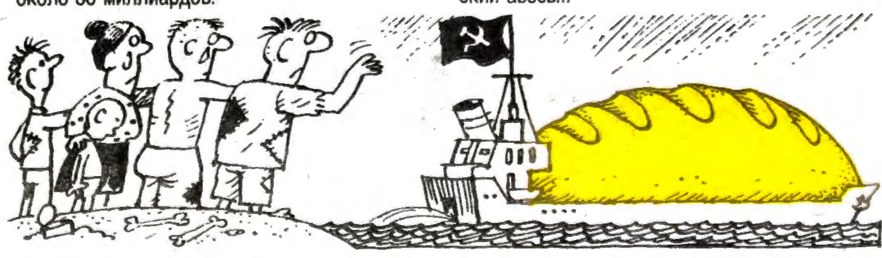
Впрочем, такие попытки были. Правда, они касались колхозов и совхозов. Им официально пообещали: вы продаете государству зерно сверх плана, а за это получаете валюту. И тратьте ее на здоровье — для покупки техники за границей, а также прочих товаров. Стимул, как говорится, высшего класса. И верно, кое-каким хозяйствам на их счета была перечислена свободно конвертируемая.

Да только все оказалось блефом! Валютные счета указанных хозяйств оказались блокированными. Рыжковское и павловское правительства объясняли это тем, что с валютой в стране полный зарез, поэтому тратить ее можно только по указанию свыше. В итоге старательно сдававшие государству хлеб колхозы и совхозы оказались на мели: ни валюты, ни даже «деревянных».

Обжегшись на молоке, хозяйства дуют на воду: обманутые в 1990 году, колхозы и совхозы не верят обещаниям 1991 года. Они придерживают хлебушек в ожидании более подходящей конъюнктуры: авось можно будет продать зерно не осенью, не зимой, а весной, когда оно поднимется в цене и оголодавшее государство готово будет отдать за него последние портки.

Да только вот несчастье: хранить-то зерно в хозяйствах практически негде. Гниет оно и прорастает в худых амбарах, лишенных элементарной вентиляции. Так что к весне вряд ли что останется. Поэтому теперь вся ставка на закордонного фермера. Коли не можем накормить себя сами, не умеем распорядиться той валютой, которая у нас еще бренчит в дырявом кармане, поскорей гоните ее за бугор. А поскольку нефте-, лесо- и газодолларов становится все меньше, то срочно рассылаем высокопоставленных гонцов к капиталистам: помогите кредитами Христа ради!

Вот только как расплачиваться за эти кредиты, вряд ли знают даже наши выдающиеся экономисты. Разве что понадеяться на русский авось...

◄ Со стр. 5.

ПОИЩИ СПОНСОРОВ НА ПОЛЕ ЧУДЕС У ЛИСТЬЕВА!

СПУСТЯ МЕСЯЦ

ИЩУ ЗОЛОТУЮ РЫБКУ!

ИЩУ ЗОЛОТУЮ РЫБКУ!

МОЖЕТ ЗДЕСЬ ПОВЕЗЕТ?

УХ, ТЫ!

ОХ!!

ВО ДАЕТ МУЖИК!

ВЫШЕЛ ИЗ ВИДЕОСАЛОНА СОЛДАТ ДРУГИМ ЧЕЛОВЕКОМ

МНЕ КАЖЕТСЯ, КОРЫТО — ЭТО НЕ АКТУАЛЬНО!

ЭЙ, ЖЕНА! ЗНАЧИТ, КОРЫТО ТЕБЕ?!!

НЕ ХОЧЕШЬ БЫТЬ ПРОСТОЮ КРЕСТЬЯНКОЙ, ХОЧЕШЬ БЫТЬ СТОЛБОВОЮ ДВОРЯНКОЙ?!!

ТРАХ!

ПРИНЦ!

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ ТАКИМ, И НИКАКОГО КОРЫТА МНЕ НЕ НАДО!!!

И СТАЛИ ОНИ ЖИТЬ-ПОЖИВАТЬ И КОПИТЬ НА СТИРАЛЬНУЮ МАШИНУ...

Гарий НЕМЧЕНКО

ЗАПИСКИ ПОХОЖЕГО

«ВЫ — ГАВРИИЛ ПОПОВ!»

Окончание. Начало в №№ 31, 32.

7.

Тогда же, в январе, в гостинице «Космос» проходила встреча советской и американской общественности «на высшем уровне» — так все это называлось. Ну, и я тоже решил занять свое место в рядах воспитанников «мировой семьи» — «Глобэл фэмили».

Вообще-то мне сразу был знак, но я его, к стыду, не заметил. Когда стоял с Рэем Джонсоном, американским художником, бывшим ковбоем, у стенда нашей казачьей выставки, краем глаза успел увидеть, как на цыпочках подкрадывается ко мне сбоку писатель Леонид Жуховицкий. Ну, подкрадывается и пусть. Не темная ночь, верно? Современный холл с ярким светом. И народу полно. Да еще какого, какого!

Отрываясь от разговора с падре — во Вьетнаме Джонсон был полевым врачом и заодно капелланом,— оборачиваюсь: «Привет, Леня, ты что это?»

Он, по-моему, так и остался все еще на цыпочках: «Да я гляжу, ты это или...»

Я так увлекся разговором с Рэем, что даже переспросил: «Или?» — «Гавриил Харитонович,— пожал плечами Леня.— Ты его не видел?»

Может, за это меня и наказал Господь? Совсем скоро.

Окружают меня женщины, в основном молодые и среднего возраста. Начинают о чем-то говорить наперебой, и я в своей раскованной, с сибирской стройки, манере говорю им: «Ну, что это вы, девчата? Тихо! Пусть кто-нибудь одна!» Примолкли в самом деле. А эта самая одна начинает: мол, вы себе здесь и близко не представляете, что творится в Азербайджане. В Баку. Мы — жены военнослужащих. Мы оттуда. Там уже льется кровь, и если это не остановить немедленно... У нас письмо есть. На имя Президента. Мог бы я передать ему лично в руки?

Ну что, меня вот так же первый раз в кольцо взяли, что ли? Это профессия: в кругу стоять и за все, что сделал не я, отчитываться.

И я им говорю — и с болью, и с состраданием: — Девчата, милые! Хорошо понимаю вас — правда! Ай, как все у нас нынче плохо. Ай, как плохо! Ну вы не вешайте головы: давайте думать. Начнем с вашего письма. Смогу ли Президенту передать, тем более лично в руки? Я в таких случаях обычно говорю: если все брошу и займусь только этим, конечно, я смогу! Но, может, мы найдем другой какой способ?

Тут получилось так, что по какой-то причине я глянул в сторону и вдруг увидел проходившего мимо человека — мало сказать, с надутым лицом. Вообще до того раздутого от сознания собственного величия, что вот-вот он должен был лопнуть. Одно было неясно: по какому месту трещина пройдет? По лицу или все-таки по брюху? И размера они были примерно одинакового и одинаковой формы...

И вдруг я вижу, что этот человек почему-то мне кланяется. Но как-то так: ме-едленно! Как будто бы крайне осторожно и с очень большим сомнением. Никогда еще я не видел, чтобы так раскланивались: шла бы речь о протянутой руке, можно было бы сказать, что готов в любую секунду ее отдернуть... А тут что? Вдруг резко выпрямится? А то и головой потом поведет? Ишь ты, мол, чего ждал от меня — поклона!

Но тут я все понял наконец.

— Девочки! — говорю.— А я ли вам нужен?

— Вы! — снова закричали чуть ли не хором.— Вы как раз! Именно вы.

— Мы за вами уже полчаса ходим, не заметили? — укорила одна.

— Вы не ошиблись? С кем вы хотели поговорить?

— С вами.

— Девчата! — говорю.— Я писатель. Моя фамилия... Могу удостоверение показать. Вы поймите, милые, вы не первые...

Сначала одна прыснула, другая, а потом как давай они смеяться... Ну, как могут женщины. В своей компании. А они теперь окончательно поняли, что я свой. Ну, слезы утирают, друг за дружку цепляются, чуть ли не виснут одна на другой... Хохот стоит!

Я даже слегка обиделся:

— Девчата! — говорю.— Вы ведь только что тут о жутких вещах рассказывали...

Притихли они.

Одна виновато говорит:

— Уж больно похожи, извините, смешно стало!

А другая чуть не выкрикнула вдруг:

— В том-то и дело — о жутких... Жутких! Мы ведь как из Баку уехали, первый раз и засмеялись!

Хоть на колени перед ними упади. Им ведь надо было это: разрядка.

Снова начали слезы утирать. Наверное, уже другие слезы. Опять — горькие.

Отошли уже, а потом все остановились и одна громко говорит:

— Вы нам хоть настроение немножко подняли, спасибо!

Присел я потом на кресло в уголке, за стендом спрятался. Сижу и головой качаю: ну и ну! И как я сразу не понял, что они — не по адресу? Ну, да это ведь только шпионы свою легенду постоянно помнят. Или жулики, которые в биографии своей что-то подтерли... Мне-то чего? Каков есть, таков есть. Буду я еще сверх того всякую чепуху в голове держать! Другое дело что... Ну, что, что?

Мне вот только нынче это стало вдруг открываться... Ой-ёй! Может, глубины подсознания? Нет, правда? Я-то как до этого думал: в голове это не держу, но ведь и не выбросил ничего, ведь нет? Тут другое: не держу **на видном месте,** так сказать. А на полочку тут же — раз! На эту самую, на которой табличка с чужою фамилией. Предварительное, как бы условное название: «Гавриил Попов». В некое свое творческое досье — как иначе? И вот я до сих пор думал, что козни подсознания на этом и заканчиваются, ан нет! Теперь вот вдруг подумалось: а может, оно специально отключает всякий раз этот некий предохранитель, который должен тут же напоминать мне о том, что кто-то там в очередной раз обознался. Это как бы своего рода провокация подсознания. Мол, забудь. Не придавай этому значения. Ну, не смешно, если бы ты всякую минуту помнил, на кого похож?..

А на самом-то деле? На самом деле подсознание только того и ждет, чтобы кто-то снова ошибся: оно ведь тоже материал собирает. И днем, и ночью перетряхивает все и варит, варит...

А добила меня в тот день совсем древняя старушка.

Поезд взял в метро не очень плавно, вагон дернулся, и она, еще не дойдя до места, раз и другой качнулась. Шагнул к ней, взял под руку и довел до сиденья, где было свободное местечко. Но прежде чем сесть, она оперлась на палочку и громко скрипучим голосом говорит:

— Благодарю вас, дорогой товарищ Попов!

Головка у бедной трясется и подбородок ходуном ходит, но смотри-ка, смотри, и она туда же: старая большевичка... или демократка еще с тех времен? Раньше ведь это было одно и то же.

— Я не Попов,— говорю негромко.

— Что вы сказали?

— Я не Попов! — говорю.

— Скромность украшает руководителя! — сказала старушка назидательно.— Тем более такого ранга, как вы!

Мама родная!

Но нет уже мамы, нет... Поэтому я сказал жене:

— Знаешь, у меня это уже вот где. Чемодан поднес: Гавриил Харитонович, спасибо. До места довел: благодарю вас, товарищ Попов! Не знаю точно, чем там он занимается, а я только и делаю: работаю на образ. Предупредительный, простой, вежливый.

— Ну, правильно, правильно! — осерчала жена.— Надоело ему. Тогда давай: как следует выпей и в канаву ложись и кричи оттуда: «Я — Гаврила Попов!» Так, ты считаешь, будет лучше?

— Мать! — говорю я ей сурово.— Ну что ты несешь, что? Да если бы я всякий раз, когда надирался, тут же бы ложился в канаву, это где бы я уже был?.. Где?!

— Да, это-то правда,— соглашается она.— Уже бы и рукой было не достать.

Вот это, насчет канавы, запало, видно, в башочку... Запало!

Дело еще, пожалуй, и вот в чем: как-то я сидел на кухне с двумя старыми дружками. Сам, правда, «не принимал», но дефицитнейшая нынче она, проклятая, имела место. На столе. И вот только я — на правах хозяина — взялся за бутылку, чтобы налить своим дружкам еще по нескольку капель, как жена вдруг закричала из кабинета, от телевизора:

— Скорей, скорей сюда — твой Гаврила! Ты хоть погляди на него, хоть сравни

Я как был с бутылкой в руках, так и вышел... И вот стою в дверях, пытаюсь понять, что он там, Попов, говорит, а главное, и в самом ли деле так уж мы с ним похожи.

— Когда голову — вот так,— говорит жена,— очень похож. Когда подбородком вниз и как бы чуть исподлобья смотришь...

— Да брось ты, мать,— говорю.— Выдумываете вы все. И близко ничего похожего.

— Да ты посмотрел бы со стороны, когда голову вот так... И прическа.

— Да это у него парик! — кричит один с кухни.

— Ты скажи лучше, с кем в компании сидишь,— обижается нарочно другой.— С нами или с Гаврилой.

Вздохнул я и пошел на кухню обратно — налить ребятам. Так и не досмотрел сюжет до конца. Так ничего и не понял. Уловил только: что-то действительно вроде есть... Отдаленное такое сходство... От-да-лен-ное!

Но в тот раз этот, с двойником, сюжет, еще не проклюнулся, еще не качнул мне душу: ведь самое бы время, а?

А было потом так: снова ехал в метро, входил в вагон, дверь должна была вот-вот захлопнуться, и тут я как раз сунул в карман перчатки и откуда-то у меня пятак выпал... Ну, как там? «Упал, звеня и подпрыгивая». Так нет!

Покатился, сделал круг и как опытный велосипедист перескочил через металлическую кромку и улегся как раз в пазу, в котором нижний край двери ходит.

Ну, тут уж, конечно, Никита Сергеевич виноват. Помните, хрущевская эта старая школа: не поленись, мол, нагнуться и копеечку поднять...

Наклонился я поднять пятачок и тут на перрон чуть было не свалился с головы мой «гоголь», пирожок из каракуля... Двери бы захлопнулись, а он так и остался лежать на краю платформы... Шапку из-за пятачка потерять, казак!

Очень я себя неловко почувствовал: словно кто-то не только мог видеть, как я за пятачком своим нагибаюсь, но и это подслушать — насчет казачьей папахи. Ай-яй!

И вдруг... вдруг картинка...

Этот самый, что только что отдыхал в канаве, родной наш алкаш, сидит теперь с дружками уже на кухне, в тепле, а жена его — лишь бы эти пьяные хари не видеть — устроилась у телевизора, и вдруг:

— Пе-еть, а Петь? Иди скорей сюда!

Уже крепко поддавший Петя тупо смотрит на своего двойника, а дружки его обратно зовут: бутылка-то у него!

— Да ладно, ладно, Петя, на фиг он тебе сдался, Гаврила.— Ты банкуй давай, Петь.

И Петя — после того, как дружков пошел провожать и еще в подворотне на грудь взял,— снова пробует в канаве уснуть, но тут его подбирают добрые люди... Кто снег с него счищает, кто — грязь. Вот уже кто-то и носовой платок достает и слюнит его без затей: наши, простые люди!

— Вам далеко, Гавриил Харитонович? Где живете? Мы поможем, поможем...

И Петя сперва ничего не понимает: да что с милой родиной случилось? То его в канаву десятилетиями укладывала, а то вдруг отдохнуть не дают — только попытаешься залезть, уже поднимайся.

«Вставайте, дорогой Гавриил Харитонович, а то простудитесь... Вон измарались-то как, вставайте, Гаврила Харитонович!»

И вечно пьяный наш Петя или Федя сперва даже не сообразит, кому и чему он своим счастьем обязан.

«Вам помочь, Гаврила Харитонович?» — «Хто, ты сказала, пала? Хто?!»

А «пала», эта самая «пала», которая его теперь уже ни за что не бросит, и сопли ему кружевным платочком вытрет, и до дома дотащит на себе,— так вот «пала» эта с тремя высшими образованиями, восемь языков знает...

И вот его подбирают, отводят домой, а он еще по дороге и выступает, крупно выпендривается или, как в родной моей станице Отрадной говорят: он циркуить. Циркует то есть. Представление дает — ну, как в цирке, только без билетов, за так. «Это хто приказал меня к жене отвесть?» — кричит.— «Никто не приказывал,— говорят.— Это просто из уважения к вам, Гавриил Харитонович!» — «Хто-хто?!»

Ну, вот до него, наконец, доходит!..

Это вот недаром же у Маркса в «Капитале», в третьем томе, на странице 357 сказано: ласковое слово пуще дубины. А?! Недаром же вслед за ним и за Энгельсом это и Ленин повторил (Соб. соч., т. 26, стр. 285). И Дзержинский («Избранное», стр. 45, 93, 118). Но особенно любил это Сталин повторять, тут я даже не стану называть страниц — не перечислить.

Так или иначе, Петя наш или Федя начинает следить за собой, за своими манерами, бриться каждый день и одеваться в чистое, а потом потихоньку начинает и благородные поступки совершать... Кто теперь не верит классикам марксизма и считает, что все это невозможно, может обратиться к известным прагматикам, в частности к одному из самых известных прорабов перестройки, вождю крестьянской партии Юрию Черниченко — он не раз писал, что, мол, в Штатах поговорка есть: скотина добреет от взгляда хозяина. Что «человек везде у нас хозяин» — это теперь и ежику уже ясно, так же, как, надеюсь, и то, что перед этим наш Федя, Петя наш и действительно был большая скотина...

С сюжетом этим носился, словно дурень с писаной торбой. Нет, правда, вот мой герой и раз, и другой отказывается выпить, а вот уже едет в Ленинград: на курсы «по отвыканию от табакокурения и алкоголизма», где руководитель клуба «Оптималист» Юрий Александрович Соколов методом коррекции сознания, разработанным кандидатом медицинских наук покойным — светлая ему память! — Леонидом Петровичем Шичко, возвращает его к нормальной, человеческой, почти уже позабытой в России жизни...

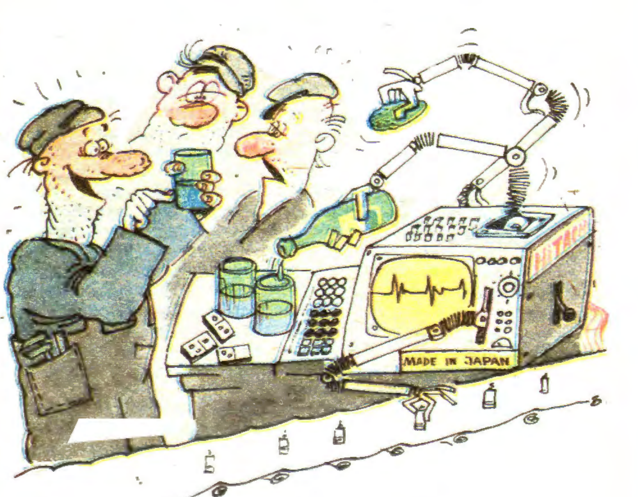
Может, думал я в те дни, надо срочно позвонить в Киев — Михаилу Беликову? А давай, сказать, Миша, сообразим фильм о том, как через алкогольную завесу начинает человек всматриваться как бы в свое возможное отражение... Как гроникается потом благодарною любовью к носителю этого нового для него, идеального образа... Как пытается соответствовать ему, как обретает самоуважение, становится настоящим гражданином, сыном своего Отечества — другое дело, нужен ли он такой? Кто его в конце-то концов такого ждет?

А давай, сказать, Миша, давай, Мишель, ну — давай? И тут тебе никаких особых декораций, ничего — метро и метро, и Федю, нашего Петю я сам и сыграю, а что, что?

Алкаша-то рядового сыграть? Простого нашего, родного советского алкаша. Да хоть самим собою побуду чуток! И хоть слегка отдохну в привычной для советского человека, естественной обстановке...

В. ПОЛУХИН.

— До чего точно работают эти японские роботы!

«Хэнэк», г. Уфа.

— Опять пьешь?
— Суп прокис, без водки нельзя есть.

В. ЯКОВЛЕВ, «Капкан», г. Чебоксары.

8.

Теперь-то такую ситуацию довольно быстро угадываю... В зависимости от того, конечно, насколько очаровательно создание, которое на меня во все глаза смотрит, и как глубоко я в свои размышления был перед этим погружен.

Что там ни говори, а ведь постоянно забываешь, что ты — Гавриил Харитонович, и продолжаешь себе, эгоист такой, жить своими маленькими заботами... Понимаю: кое-кому покажется, что это не только грех, но как бы даже и акт предательства по отношению к тем светлым идеалам, какие воплощает в себе человек, на которого автор сподобился быть похожим...

Вот оно торопится мне навстречу, очаровательное создание... Наверное, для того, чтобы продлить радостный миг, она начинает идти помедленней, но ведь глаза-то, глаза! Глазами мы давно уже встретились, и я невольно благодарю ее взглядом и за проницательность — так точно выхватить из толпы писателя и, конечно же, поэта в душе, поэта, что там ни говори — вот в чем дело! Ну и, естественно, благодарю за хороший вкус...

Само собой, в такие секунды я инстинктивно подтягиваюсь: да, мол, да, пятьдесят четыре, но разве это годы? Человеку столько лет, на сколько он себя чувствует, и мне с утра нынче было лет тридцать, не больше, а под таким взглядом... Видишь, лапа, как держусь? Казацкая закваска. Русский офицер, да! Старая сибирская школа.

Все это стремительно, все на сближающем нас бегу...

Восторг в ее глазах, кажется, достигает предела, и вдруг мелькает в них что-то такое... Я невольно гашу понимающую улыбку... Ах ты обманщица — вон ты меня за кого приняла! А я-то уши развесил, эх!

Снова поднимаю глаза: теперь-то, мол, поняла, лапа, что ошиблась? Ты уж в следующий раз повнимательней будь!.. Со мной-то ладно, я не разбойник. А другой, глядишь, очень трезво вдруг оценит и восторг в твоих глазах, и твою открытость...

Подобные положения я разгадываю все чаще, а бывает, и предупреждаю. Это как бы некий биотелеграф...

«Нет-нет, лапа, ошибаешься!» глядя в глаза, передаешь ей прямым текстом. Иногда она сомневается, ответный взгляд ее переспрашивает: «Нет, правда, ошибаюсь? Неужели?!»

Дело было на Баррикадной, внизу, ранним летом. Часов, пожалуй, около семи вечера: толпа бежавших с работы уже схлынула, наступил тот редкий теперь в метро миг, когда каждый перестал быть частью общего, стал как бы снова только самим собой... Я шел не торопясь, но как всегда достаточно быстро. Как бы гуляючи, как бы присматриваясь ко всему вокруг, и в то же время деловито, потому что это ведь и есть, если разобраться, мое дело: всегда и ко всему присматриваться... Неожиданно я заметил, что рядом со мной, явно в такт моим шагам, слева от меня идет красивая молодая женщина: высокая, тонкая, черноглазая. Идет и смотрит на меня сбоку: и очень ласково, и в то же время с большим достоинством... Какой хороший взгляд, до сих пор его, Инна, помню!

Тоже глянул на нее и тоже улыбаюсь: доброжелательно и открыто.

Идем так и друг дружке улыбаемся: хорошо! Прекрасное, доложу вам, занятие!

Наконец, говорю ей на ходу.

— Настроение? Хорошее, да?

Она говорит радостно:

— Очень!

— Причина есть? — спрашиваю.

— Есть,— она говорит.

— Прекрасно,— говорю я,— когда причина есть. А, может, скажете о ней? Может, поделитесь?

Во взгляде у нее вместе с уважением появляется и смелость:

— ‘ разве вы не догадываетесь?

Тут-то, наконец, меня и прошибло, толстокожего.

— Как вас звать?

— Инна,— отвечает.

— Скажите, Инна, вы — гречанка?

— Да, а почему вы так решили?

— Потому что вы меня за Попова приняли — это раз... И потому что взгляд у вас, как вам объяснить...

Она не дослушала:

— А разве вы не Гавриил Харитонович?

— Нет, Инна.

— А так похожи, я думала, это он.

— Правильно поймите, Инна,— тот редкий случай, когда мне хочется сказать: к сожалению, нет!

Она поняла, нарочно вздохнула:

— А я догнала вас и думаю, вот нынче папе подарок сделаю — расскажу, что в метро шла рядом с Гавриилом Харитоновичем. Папа вас... его... Папа его так любит! И сам голосовал, и всех друзей обзвонил...

— Значит, в вашем доме твердо знают: Гавриил Харитонович — грек?

— Конечно, грек, что вы, а кто ж еще? У папы только и разговоров — о нем.

— А вы московские греки? Папа родился уже здесь? Или южане?

— Были южане... Но дедушку сослали в Норильск. Папа там родился. А я уже в Москве...

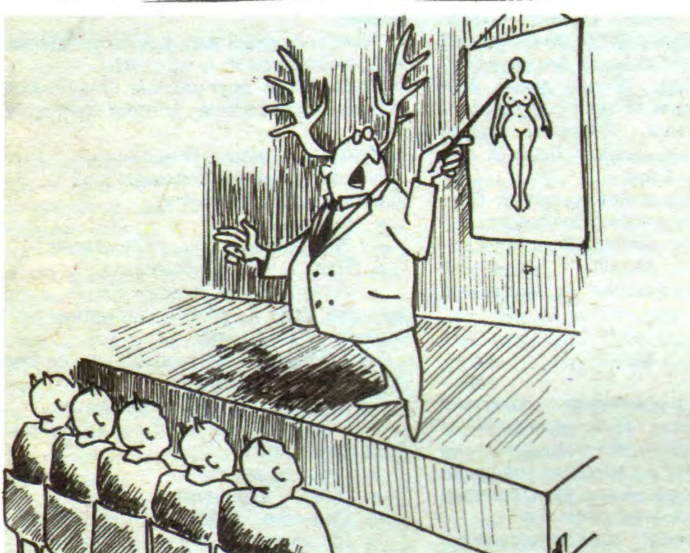
Мы теперь стояли на эскалаторе. Стояли как добрые знакомые рядком и мирно разговаривали. Такая хорошая девушка. Дай Бог ей счастья. Студентке.

Я тоже и назвался, и даже что-то о книжках о своих сказал, чтобы она могла заглянуть в них и окончательно увериться, что это не Гавриил Харитонович разыграл ее в метро — не захотел сознаться, что то был он.

Наверху, возле станции, мы попрощались, и к Садовому я поднимался в прекрасном настроении: как она и в самом деле глядела на меня! Даже тогда, когда я успел ей рассказать, что она не первая ошиблась, такое часто случается, она не фыркнула, что тоже не раз бывало. Не отвернулась тут же. Что-то ведь продолжало объединять нас. Увидала мою открытость и мою искренность и отвечала тем же.

Л. ВОРОБЬЕВ, г. Шяуляй.

А. ПИЛЬНИКОВ, г. С.-Петербург.

М. КУЗЬМИН, г. Самара.

Д. КОНОНОВ, г. Пермь.

А. БЕЛЯКОВА, г. Магадан.

Минувшее проходит предо мною...

«ЦАРСТВУЙ, ЛЕЖА НА БОКУ!»

Среди всех пушкинских произведений едва ли не самое загадочное — «Сказка о золотом петушке». Не случайно поэт завершил лукавую небылицу многозначительной концовкой, не пропущенной в свое время цензурой:

Сказка ложь,
да в ней намек —
добрым молодцам урок.

В самом деле, что же здесь крамольного? Какой тайный смысл вкладывал поэт в свое произведение и на что намекал «добрым молодцам»?

Происхождение сюжета «Сказки о золотом петушке» долгое время оставалось загадкой. Напрасно было бы искать среди богатейшего разноцветья русских народных сказок такую, которая хотя бы отдаленно ее напоминала. И хотя в ней действуют и царь, и царевичи, как и положено в нашем фольклоре, других ее персонажей — мудреца и кудесника-звездочета, а также таинственную Шамаханскую царицу — скорее можно было бы встретить в сказаниях «Тысячи и одной ночи». Однако и среди арабских легенд нет такой, которая напоминала бы историю о золотом петушке.

Только столетие спустя удалось установить, что послужило источником для создания сказки. Как определила Анна Ахматова, в основу своей небылицы Пушкин положил «Легенду об арабском звездочете» Вашингтона Ирвинга[1]. В числе книг пушкинской библиотеки был и изданный в Париже сборник «Альгамбра», составленный из собранных и литературно обработанных Ирвингом арабских преданий.

Богатейшая фантазия Пушкина искусно преобразила сюжет восточной легенды, перенесла его на русскую почву и создала замечательную по своей выразительности «Сказку о золотом петушке». Главным ее персонажем вместо мавританского султана сделался царь Дадон. Не случайно автор назвал царя этим именем: слово «дадон», значащее «неуклюжий, нескладный, несуразный человек», встречается в народной речи и вошло в «Толковый словарь» В. И. Даля. Дадоном окрестил Пушкин и злого, жестокого царя — деспота в сказочной поэме «Бова», написанной в годы пребывания в лицее:

Царь Дадон со славой царствовал
В Светомире, сильном городе.
Царь Дадон
венец со скипетром
Не прямой дорогой достал
дорогою,
Но убив царя
законного.

В «Сказке о золотом петушке» Дадон изображен очень ярко. Ленивый и скудоумный, царь проводит все время в сладостной дремоте и разговаривает с подданными, зевая.

Сатирический образ монарха, дремлющего на троне, встречается в произведениях русской литературы конца XVIII — начала XIX века.

Но есть безумцы
и средь трона:
Сидят и царствуют
дремля, —

писал Г. Р. Державин в первоначальной редакции оды «Властителям и судиям».

В «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев ярко описал самодержца, зевающего на троне (вспомните его аллегорический сон). А у сатирика начала XIX столетия С. Н. Марина даже есть басня «Трон и постеля», которая имеет многозначительную концовку:

Но часто трон царям постелею бывает.

... Неизвестно, как бы сложилась в пушкинской сказке судьба Дадонова царства и самого Дадона, если бы на помощь царю не пришел кудесник-звездочет, подаривший ему верного стража — волшебного золотого петушка. И теперь Дадон может упиваться покоем, отдыхая от ратных дел и нудных забот, повелевать, возлежа на пуховой перине. Исполнилось его заветное желание:

Но недолго довелось царю наслаждаться покоем. Однажды войско во главе с его старшим сыном, устремившееся по зову петушка навстречу неведомому врагу, бесследно исчезает.

Вот проходит
восемь дней,
А от войска нет вестей.

Встревоженный царь посылает по зову петушка новую рать, возглавляемую младшим сыном.

Снова вести нет от них.
Снова восемь дней проходит.

Опять кричит петушок, и сам Дадон ведет третью рать на выручку сыновьям.

Вот восьмой уж день проходит.
Войско в горы царь приводит.

Восемь дней идут навстречу неведомой опасности войска Дадоновых сыновей и самого царя Дадона. Трижды повторяется в сказке число в о с е м ь, приобретая какое-то особое, таинственное значение.

Долгое время для пушкинистов был загадкой найденный среди бумаг поэта незавершенный стихотворный фрагмент, представлявший собой очаровательную поэтическую миниатюру:

Царь увидел пред собою
Столик с шахматной доскою.
Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он поставил в стройный ряд.
Грозно куколки сидят,
Подбоченясь на лошадках,
В коленкоровых перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах.

И снова только Анна Ахматова установила, что этот незавершенный отрывок должен был войти в «Сказку о золотом петушке». Он напоминает один из эпизодов «Легенды об арабском звездочете» Ирвинга, в которой звездочет дарит султану шахматную доску с волшебными фигурами — магическим воплощением вражеских воинов.

Пушкин отказался от этого эпизода в своей сказке: он слишком усложнял ее сюжет. Однако «шахматный» мотив в небылице все же остался. Ведь восемь дней походов Дадона и его сыновей — это восемь шахматных клеток — такова протяженность шахматной доски, на которой развертывается сражение. И не подозревает царь Дадон, что он всего лишь пешка в шахматной партии, искусно разыгранной звездочетом и Шамаханской царицей.

Движимый волей мудреца, Дадон вместе с войском повторяет путь сыновей, чтобы остановиться у шатра Шамаханской царицы. Лицом к лицу встречается царь с загадочной красавицей, даже не догадываясь о том, что она и есть тот враг, против которого направлял его с войском золотой петушок. Что для нее все ратные силы Дадона! Они оказываются бессильны против всепобеждающей красоты. Напрочь забыв о погибших сыновьях, царь «неделю ровно» пирует с молодой девицей, а на восьмой — опять встречается число в о с е м ь! — отправляется вместе с нею в обратный путь, навстречу собственной гибели...

... «Сказка о золотом петушке» писалась Пушкиным осенью 1834 года — последней в жизни поэта болдинской осенью. Вопреки обыкновению, ему не работалось в болдинском уединении.

Незадолго до этого тайной полицией было вскрыто одно из писем Пушкина, адресованных жене. Внимание жандармов привлекли пронизанные горькой иронией строки: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут».

Мрачные мысли обуревали душу поэта во время работы над «Золотым петушком». Преломленные пушкинской фантазией, они отразились в небылице, ставшей злой сатирой сразу на двух царей. Дадон, жаждущий покоя, похож на Александра I — бездеятельного и слабовольного в последние годы царствования. А торжественное заверение: «Волю первую твою я исполню как свою», данное царем и им же самим нарушенное, напоминает о Николае I, обещавшем предоставить поэту свободу и обманувшем его ожидания.

Создавая лукавую историю, поэт давал понять, что и царя может постигнуть заслуженная кара за нарушение собственных слов. Пушкину не довелось стать свидетелем бесславного конца Николая I, который, подобно сказочному Дадону, «наносил обиды смело», втянул страну в Крымскую войну и проиграл ее.

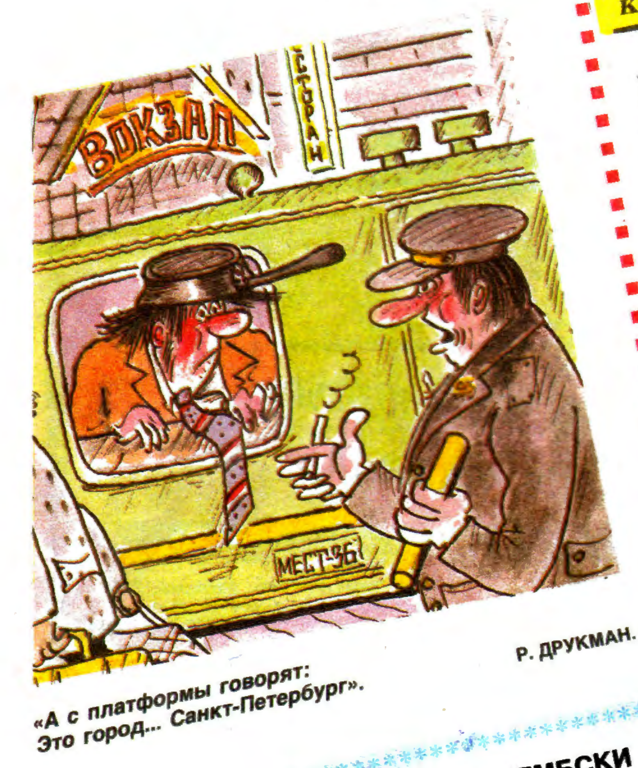
Алексей КОРНЕЕВ.

---

[1]Ирвинг Вашингтон (1783—1859) — видный американский писатель. Сборник «Альгамбра», изданный в 1832 году, был составлен в годы его пребывания в Испании, где писатель находился на дипломатической службе.

Настолько теплое место, что все на нем горят.

Анатолий РАС.

«А с платформы говорят:
Это город... Санкт-Петербург».

Р. ДРУКМАН.

КИНОЗУБ

ВЗБЕСИВШИЙСЯ АВТОБУС, ЗАТОНУВШИЙ ПАРОХОД И УСНУВШИЙ ЗРИТЕЛЬ

Перестройки приходят и уходят, а зритель советский остается. Пока советский и пока зритель, даже если уже и предпочитает зарубежный видеоширпотреб отечественным перестроечным лентам. И винить его в этом трудно — нет хлеба, так дайте хотя бы зрелищ. А наши отечественные кинозрелища с их дебильными мафиози и потрепанными интердевочками уже не просто в зубах навязли, а давно комом в горле стоят. И это уже не говоря про то, как и кем все это снято. Конечно, где же найдешь теперь настоящих актеров и режиссеров за неконвертируемые рубли бывшей 1/6 части суши? Правда, случаются исключения, но, увы, и они лишь подтверждают правило, гласящее, что наш броненосец «Потемкин» идет на дно вместе с властью, его породившей. А вслед за ним — и «Армавир» А. Миндадзе и В. Абдрашитова, несмотря на активные действия его создателей — талантливого творческого дуэта сценариста и режиссера. Ну, пассажиры, сами понимаете, кто насовсем под воду ушел, кто выплыл и вследствие чего слегка тронулся, а посему танцевать на берегу начал и докручивать старые корабельные романы. Пожалуй, только два героя сохранили рассудок и смысл жизни. Ибо смысл у них один — юная пассажирка, приходящаяся одному дочерью, а другому любовницей. Вот они ее (пассажирку) и его (смысл) и ищут целый фильм. Ищут по всей стране, чьи граждане все как один похожи на пассажиров «Армавира», которые выплыли, но малость затанцевали после этого. А попутно герои выясняют отношения между собой. Но им катастрофически не везет. Когда находят искомое — девушку и смысл,— те их не признают и дают им отставку. Любовник с горя помирает, а неутомимый отец продолжает свой безнадежный поиск.

Да нет, понимаю, конечно, не про гибель же отдельно взятого парохода снимали свой фильм авторы — не принято это сейчас,— а про глобальную катастрофу всего нашего общества. Это их тема, заветная. Помнится, сначала у них «Остановился поезд» (правда, с рельсов до конца не сошел, видать, время еще не приспело). И еще можно было попытаться разобраться, кто из стрелочников виноват. Поначалу решили, что железный мальчонка «Плюмбум» — потомок бессмертного Павлика Морозова. Потом нашли зло помасштабнее в виде «Слуги» дьявола в родном совдепском варианте. А катастрофы все множились и множились — и авторы в конце концов на поиск виновников плюнули. Вот и «Армавир» окончательно затонул. И на берегу остались растерянные создатели, как бы решившие как бы понаблюдать за всеобщим апокалипсисом. И не менее растерянные зрители, наоборот, не понимающие, зачем авторам понадобились китайские иероглифы там, где вполне можно было обойтись русским алфавитом.

Вот смог же режиссер Г. Натансон снять фильм простой, как газета «Правда» в бытность ее органом «ума, чести и совести». Взяв для этого за основу картины «Взбесившийся автобус» реальный факт, произошедший несколько лет назад на Северном Кавказе, где группа уголовников захватила автобус со школьниками и потребовала самолет для вылета в Израиль. Но «наши» — КГБ, МВД, МО, МИД,— как всегда, оказались на высоте и победили. А бывший агрессор и оккупант (ныне почти «братская республика» Израиль) с удовольствием вернул неудавшихся террористов нам обратно, и уже в наручниках. Лет десять назад «Взбесившийся автобус» под рубрикой «политический детектив» можно было смело давать всесоюзной премьерой и ходить на него строем, как хаживали когда-то на «Чапаева». Но после помявления и в трехдневный срок исчезновения новой аббревиатуры ГКЧП воспринимается фильм совсем иначе. Смотришь на героев, которыми призван восхищаться, и все время помнишь, где они служат. И все время почему-то хочется задавать им разные неделикатные вопросы. Типа: а какие приказы отдавали бы в период с 19 по 21 августа с. г. эти седовласые и благообразные генералы? И чьи приказы исполнял бы этот моложавый и чертовски обаятельный кагэбэшник? И кому бы присягали на верность эти элегантные послы?

Конечно, хочется надеяться на лучшее, на то, что в будущем эти герои оказались бы сплошь верными защитниками демократии. В кино так обычно и бывает. Не то что в жизни. Здесь по крайней мере затонувшие пароходы не усыпляют зрителей, а взбесившиеся автобусы не восхищают. И на том спасибо.

П. СМИРНОВ.

Ежи ДЕМБСКИ (Польша)

ДВОЕ ИЗ ПАТАГОНИИ

— Я голоден как волк, — заявил Казик, когда мы с ним после долгого и утомительного подъема по горной тропе остановились у входа в кафе на смотровой площадке.

— Я тоже. Однако ты не больно-то надейся, что нас быстро обслужат. Здесь много иностранных туристов, официанты только их и видят.

— Давай и мы притворимся иностранцами, — решил мой друг. — К примеру, французами.

— А ты хорошо говоришь по-французски? — засомневался я.

— Не очень, — признался Казик.

— Не стоит рисковать. У меня идея. Будем говорить по-патагонски.

— Но ведь такого языка не существует, — возразил мой друг.

— Не важно. Ты положись на меня.

Я вошел в кафе первым, а Казик вслед за мной — два представителя Патагонии. Мы сели за свободный стол. Официант проигнорировал наше появление — он увлеченно болтал с буфетчицей. Я ему кивнул и громко произнес:

— Хулла, обертадос!

Подействовало. Он тут же подошел к нашему столу.

— Что желаете?

Я перевел дух и выпалил:

— Копа саранта пульпа парта кунта кинте!

Казалось, моя речь его ошарашила. Но ненадолго. Он улыбнулся и сказал:

— Лама перупия ксанта польфа?

Теперь был ошеломлен я. К счастью, Казик, который сразу же понял правила игры, продолжил наш разговор:

— Локо компутози флинка пампас эт люпа эпус фритон.

Официант, удивление которого уже прошло, кивнул в знак согласия и спросил:

— Лама сапас?

— Сама лапас, — ответил я.

Официант понимающе кивнул, подошел к буфету и громко скомандовал:

— Иолана, будь добра, две порции сарделек с горчицей, два пива и два рома по сто пятьдесят.

Через пять минут, разгружая поднос, он с улыбкой доложил нам:

— Финта семперта пур финта.

— Лаба зубоси тресто, — уже без особого энтузиазма ответил я. — Однако шутки в сторону. Скажите, пожалуйста, любезный, как вы расшифровали наш язык?

— Что́ вы хотели заказать, любезный пан, было написано на вашей роже. Ну, а все прочее — культура обслуживания. Приятного аппетита!

Перевел Д. ГРИГОРЬЕВ.

По логике вещей, приятней быть рабом не логики, а вещей.

Как часто выживают не сильнейшие, а простейшие!

Валерий ВОРОНЦОВ.

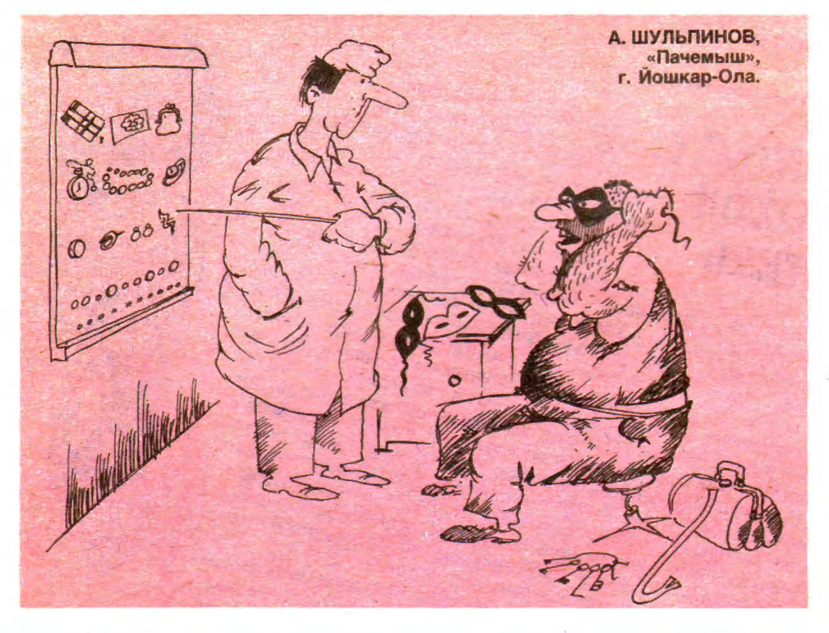
В. ДУБОВ.

«Остен», Югославия.

Большая редкость — женская красота в чистом виде.

Сергей БЕЛОУСОВ.

А. ШУЛЬПИНОВ, «Пачемыш», г. Йошкар-Ола.

КРЕПКО СКАЗАНО

«В экономике мы Запад догоним только тогда, когда коммунисты вернут в госбюджет то, что они украли у народа, а народ вернет то, что он разворовал при коммунистах».

Из читательской почты журнала «Новый дикобраз» (ЧСФР).

Перевел Г. ДУНДА.

В. ВЛАДОВ.

ЗВЕЗДЫ УЛЫБАЮТСЯ

Король смеха был заядлым курильщиком. Однажды он поселился в одном из отелей Флориды. Войдя в номер, Чарли тут же уселся в кресло и потянулся за сигаретой и зажигалкой, но тут в глаза ему бросилась висящая на стене табличка со строгой надписью: «Курить запрещено! Вспомните о страшных пожарах в прериях!»

Великий комик достал карандаш и дописал на табличке: «Плевать запрещается! Вспомните о катастрофических наводнениях на Миссисипи!»

ЧАРЛИ ЧАПЛИН

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ЧАРЛИ ЧАПЛИНА

Всегда думай о том, что твои фильмы будут показаны на Страшном суде.

◆

К чужим ошибкам мы относимся, как к чужим женам. Они нас больше радуют, нежели собственные.

◆

Каждая новая эпоха вносит свои поправки в старые легенды.

◆

Язва желудка — болезнь заразная. Те, которые ею больны, вызывают ее у других.

◆

На одном из званых вечеров Чарли имитировал своих коллег, известных актеров Голливуда. Под конец он спел арию из итальянской оперы. Гости пришли в восторг.

— О мистер Чаплин! — воскликнула одна из дам. — У вас, оказывается, прекрасный голос!

— Да что вы,— скромно сказал Чарли. — Я вообще не умею петь. Я всего лишь имитировал Беньямино Джильи...

Перевел Г. ДУНДА.

Шарж В. ПЕРГЛЕРА (ЧСФР).

В. ДУБОВ.

Не высовываться, чтобы выжить!

Советы бюрократам смутного времени

Читателям «Крокодила», а также моим друзьям — бюрократам всей земли я направляю это срочное послание, проникнутое заботой и надеждой.

В наше тревожное время, когда в Москве да и повсюду в мире происходят быстрые и огромные перемены, советую прежде всего не паниковать. Что-что, а бюрократия, эта третья (после проституции и журналистики) древнейшая профессия, останется всегда! Так что не бойтесь, друзья мои. Будьте предельно бдительны, но не волнуйтесь. Уверяю — для вас все кончится хорошо, если вы послушаетесь моего совета: сгруппируйтесь и напружиньтесь, изготовьтесь к прыжку в любом направлении, которое вы сочтете выгодным для вашего выживания и последующего благоденствия. А прыгнув, тут же заройтесь поглубже, чтобы вас даже не видно было на поверхности. И не высовывайте носа, покуда не разберетесь в правилах новой игры, установленных новыми людьми, пришедшими к власти. А когда принюхаетесь и разберетесь, вот тут-то у вас и появится отличный шанс не только для выживания, но для карьерного восхождения.

Мы с моим другом космонавтом Георгием Гречко однажды вместе плыли вниз по Миссисипи на «Дельта Квин», старом колесном речном пароходе, основательно послужившем пассажирам, влюбленным в эту могучую реку. Георгий рассказывал, что, когда летчик прорывает звуковой барьер в низком горизонтальном полете, громоподобные удары воздушных волн обрушиваются на хрупкие строения и доставляют немалое беспокойство обитателям окрестных домов, но трагедии не происходит, жизнь все равно продолжается.

Я вспоминаю изумительное спокойствие Георгия, его прекрасное чувство юмора, и в ушах у меня звучат его слова: «Так что, Джим, ударная волна — это еще не конец света». Из чего я по аналогии сделал вывод, который советую зарубить на носу всем своим коллегам-бюрократам: сумятицу и замешательство, производимые ударной волной государственно-политических перемен, можно пережить. Более того, такие встряски в конечном счете служат мощным стимулятором роста нашей бюрократической братии!

Итак, спокойно переждав смену государственных персонажей и декораций, можно и нос высунуть, а затем и голову приподнять. А уж если поднимете голову, то постарайтесь приметить сквозь оседающую пыль какой-нибудь хороший, теплый уголок в некоей солидной конторе. А когда сочтете, что настало подходящее время выйти на люди, что ж, вылезайте на поверхность смело, но с оглядкой. А когда убедитесь, что буря окончательно улеглась, шагайте вперед к облюбованному местечку. Да только не забудьте предварительно запихнуть под мышку охапку документов или пачку исписанной бумаги. Документы могут быть абсолютно никчемными, но они будут указывать народу, что вы не вертопрах какой-нибудь, а персона солидная, занятая делом государственной важности. Не исключено, что на радостях (еще бы не радоваться — выжил, выжил!) вы вдруг ощутите желание пробежаться по коридорам своего офиса. Ну что ж, не противьтесь, отдайтесь нахлынувшему порыву. Только рекомендую на бегу многозначительно нахмурить брови, изображая величайшую озабоченность. Если кто-нибудь попробует остановить вас, чтобы поболтать, киньте ему на ходу через плечо, что вы слишком заняты. После того как вы прогалопируете по всем холлам и коридорам вашей конторы, возвращайтесь в свой кабинет и расслабьтесь за чашечкой кофе. Видит Бог, вы ее заслужили! Вы создали «имидж» чудовищно занятого человека, работающего на благо страны и государства в поте лица своего. После каждого такого забега, побаловавшись кофием, снова посидите в своей норе, не высовываясь, и на всякий случай еще раз спокойно обмозгуйте ситуацию. Главное — спокойно! Выживайте и процветайте. Выживание — залог процветания.

Трудные задания перепоручайте подчиненным. Не знаете, что сказать,— бормочите под нос нечто неразборчивое, это верный способ прослыть глубокомысленным.

И, пожалуйста, не паникуйте, ибо мы, бюрократы, вечны и неискоренимы, как тараканы, которых, по утверждению ученых, даже атомным взрывом не пронять, не то что перестройкой.

Джим БОРЕН, доктор юмористических наук, самозваный президент «Международной ассоциации профессиональных бюрократов», добровольный корреспондент журнала «Крокодил» в США.

Перевел с английского В. МАРКОНИ.

ГРИФФЕР, Швеция.

В прошлом номере мы опубликовали афоризмы Тани Левиной, супруги Шуры Щурова из Одессы. И вдруг из того же города — подборка афоризмов от совсем уже загадочного автора. «Хорошо хоть сказанул, а не облаял»,— подумали мы, прочитав фамилию автора.

П. ДОБЕРМАН
(друг семьи ЩУРОВА и ЛЕВИНОЙ из ОДЕССЫ).

ПРИШЕЛ, УВИДЕЛ, СКАЗАНУЛ

И в вилянии хвостом можно проявить размах.

●

Меньше всего могут оценить нас те, кому мы дороги.

●

Кареты прошлого, кареты прошлого... Сколько из-за вас пробок на дорогах!

●

Марионетки всегда задерганные.

●

Как много в мире необходимых нам вещей, о которых мы даже и не слышали.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Заокеанская лошадь. 3. Студенческая лотерея. 6. Рыба-электронос. 7. Пустынный голос. 9. Одежка на младших братьев *(многодетн.)*. 10. Лошадиный полет. 12. Революционный способ выхода пара. 13. Закольцованный процесс. 14. Карманный автомат. 17. Сказочная Варвара. 19. Спартаковская площадка *(древн.)*. 21. Афиняне в законе. 23. Боевой четырехугольник. 24. Временная единица *(школьн.)*. 25. Сказочный прокатимец. 26. Оркестровый громовержец.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Настолько черный, что с отливом. 2. Вес, не любимый торговлей. 4. Завалящая игра. 5. Нательная живопись *(жарг.)*. 6. Опора вдохновения *(поэтич.)*. 8. Деревенская тусовка. 11. Базарная операция. 12. Светловская область *(лит.)*. 15. Морской слухач. 16. Песочный поезд. 18. Восточная канава. 20. Член крестьянской семьи *(дорев.)*. 21. Сердечный проводник *(лит.)*. 22. Фруктовое женское имя.

Составил Г. МАЛЯВКО,
Витебская область.

ОТВЕТЫ НА КВК, опубликованный в № 32

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Стена. 7. Сезон. 8. Рынок. 11. Человек. 14. Точка. 15. Пресс. 17. Треугольник. 18. Судно. 20. Книга. 23. Деревни. 26. Место. 27. Опера. 28. Шутка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Элемент. 2. Юмор. 3. Период. 4. Язык. 5. Процесс. 9. Цена. 10. Темп. 12. Очередь. 13. Дефицит. 16. Дом. 18. Система. 19. Отец. 20. Конь. 21. Аппарат. 22. Печать. 24. Стан. 25. Опыт.

И. НОВИКОВ.

НАШ ЧЕЛОВЕК В КИОТО

Маньяк — это человек, который ночью и днем — все об одном, не правда ли? Но если маньяк одержим добрыми намерениями на пользу людям или искусству, то я бы назвал его подвижником. Именно такой подвижник — японский профессор Ясуо Иоситоми из университета в японском городе Киото. Он практик, теоретик и, я бы даже сказал, фанатик политической карикатуры. В университете он создал и возглавил уникальный факультет карикатуры, где искусству графической сатиры обучают всерьез — с лекциями, экзаменами, зачетами и «двойками».

По-моему, профессор Иоситоми отслеживает всех карикатуристов мира. «Наш человек в Киото» — называют его художники-сатирики разных стран. Во всяком случае, мне повезло — я тоже попал в сферу его доброго внимания и был приглашен в Киото, чтобы прочесть цикл лекций младшим коллегам, которые еще не волшебники, а только учатся.

Из Токио в Киото мы с профессором добирались скоростным экспрессом. О, нет, трудно придумать более неподходящее слово, чем «добирались», для средства передвижения, которое развивает скорость до 300 километров в час, не отрываясь (слава Богу!) от рельсов. И ни тебе колесного перестука, ни раскачивания, ни позвякивания ложечки в чайном стакане — пространство бесшумно втягивало нас, вот и все.

Пассажиры (всего-то человек 8 на вагон с авиакреслами) блаженствуют без обуви — кто в носках, кто босиком (так тоже можно). То и дело вспыхивают белозубые улыбки разносчиков всякой съедобной всячины. Неназойливо шелестят «не желаете ли», «пожалуйста», «спасибо». На торцовой стене бегущая строка сообщает свежайшие мировые новости.

В общем, скажу я вам по совести, ребята: не хотелось мне выходить в Киото из этого вагона!

Моим переводчиком в Киото был щуплый, низкорослый японец, бывший солдат Квантунской армии, прошедший наши сибирские лагеря для военнопленных.

— Как спалось, Володя? — спросил он в первое мое киотское утро. Я признался, что неважно, поскольку еще не адаптировался к местному времени.

— А я — прекрасно,— заявил мой переводчик, легко перегнулся в поясе, уперся рукой в пол, элегантно перекувырнулся и снова как ни в чем не бывало оказался на своих двоих. Неплохой показатель здоровья в 69 лет! Видимо, на Колыме все шло по Дарвину — выживали наиболее приспособленные и жизнестойкие. Таким оказался и мой переводчик.

Я прилетел в Японию 24 августа, всего через пять дней после августовского путча. Корреспонденты столичных и провинциальных газет набросились на меня, как голодные фокстерьеры на сырую печенку. Они требовали рассказов очевидца, анализа событий и прогнозов на ближайшее десятилетие. Я робко пытался объяснить, что я не Шеварднадзе, а всего лишь скромный карикатурист Мочалов.

— Но ведь политический карикатурист? — уточняла пресса.

— Да.

— Значит, должны все знать.

Пресс-конференции чередовались с бессчетными телеинтервью. Иногда я все-таки чувствовал себя Хлестаковым, которого принимают за крупного петербургского чиновника. Приходилось анализировать и прогнозировать. Особенно интересовались мои интервьюеры, готов ли я отдать им Курильские острова. Тут я проявлял чудеса изворотливости, чтобы не сказать ни «да», ни «нет». Я понимал, что одно неверное слово — и японское правительство обратится к Кремлю с требованием:

— Немедленно отдавайте острова. Мочалов согласен.

В конце концов я выкроил время, чтобы познакомиться с моими будущими коллегами, студентами факультета карикатуры. На вид им оказалось лет 16—17. Бросалось в глаза, что зверей они рисуют явно лучше, чем людей. Выяснилось, что их регулярно водят на занятия в зоопарк для зарисовок с натуры. Может быть, так и надо? Ведь отрицательные персонажи всех карикатур — в душе изрядные скоты. Что касается людей, то здесь японские студенты-карикатуристы пока что ограничиваются элементарными, почти символическими изображениями лиц. Принцип, кажется, такой: главное — схематично передать на физиономии персонажа выражение гнева, радости и удивления, остальное сделает подпись к рисунку, то есть сработает идея, если она есть. Г-н Ясуо Иоситоми, стремясь показать мне все грани жизни Киото, повел меня на всеяпонский слет инвалидов. Самое разнесчастное, жестоко обиженное природой человеческое существо было избрано президентом общества инвалидов. Люди сделали все, чтобы компенсировать почетом и уважением подлое хулиганство природы. Я был представлен господину президенту, утонувшему в своей коляске, и в ходе аудиенции не знал, куда мне девать свои ножищи и ручищи — мои конечности выглядели в данной ситуации оскорбительной бестактностью. Даже говорил президент с огромным трудом, напряженно выдавливая из себя каждое слово. Но в переводе на русский слова его звучали очень умно и вежливо — иной здоровый президент позавидовал бы...

Владимир МОЧАЛОВ.

См. стр. 16.

— Надо потораппливаться, потому что потом придут студенты.

Чтобы гармонично совместить высшее образование с регулярным пищеварением, венгерские студенты (и не только венгерские) пускаются во все тяжкие.

Но и закончив свои институты и университеты, многие интеллектуалы идут не в лаборатории, а поближе к народу. А где он, народ, нынче больше всего тусуется? Правильно. В продуктовом...

— Не признаешь, Жоти? Я же твоя однокурсница, возвращаюсь с работы в порношоу...

— Люблю покупать именно здесь: такое культурное обхождение, недаром мясник получил образование в университете.

СЛОВА, СЛОВА...

В любви все средства хороши, кроме безналичных!

Заповедь французских путан.

Иному достаточно повернуться ко всему спиной, чтобы считать себя впереди.

Трюизм первых олимпиоников.

Если человеку открыть глаза, ему уже трудно закрыть рот.

Из невысказанных мыслей Талейрана.

Мало питаться иллюзиями, надо еще не переедать!

Свазилендский диетолог Э. Совтар.

Собрал и перевел на бывший язык межнационального общения бывшего СССР Евг. ТАРАСОВ.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

И. ЛОСОСИНОВ.

Владимир ВОЙНОВИЧ

На днях читал Войновича,
Не пряча, не скрываючи.
Как хорошо, что нонеча
Совсем не то, что давеча!

Г. ТУМАРКИН.

Наско МАНТАДЖИЕВ (Болгария)

РЕЧЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РАЙОННОГО ОТДЕЛЕНИЯ «СОЮЗА ПОРВАВШИХ С ПРОШЛЫМ»

Дорогие соратники, сердечно благодарю за доверие, которое вы мне оказали, избрав меня председателем.

Сначала несколько слов о себе. Известно, что я никогда в жизни не злоупотреблял спиртными напитками. Если, правда, когда и перебирал, то исключительно из-за того, что не знал о вредных последствиях алкоголя. Или из-за пьяниц-провокаторов.

Да, тяжелые были времена, как непросто было отстаивать свою точку зрения! А некоторые спокойненько в это время попивали лимонад. Тут кто-то приписал мне запои кукурузным виски. Это гнусная инсинуация! Вы знаете, кто пытается внести раскол в наши ряды. Это догматики застойных времен! Я могу прямо здесь дать отпор любому — у нас во всей Болгарии не найдется столько кукурузного виски, чтобы им можно было как следует напиться! Сегодня обвиняют в запое, завтра — в том, что по утрам опохмеляюсь, послезавтра — что не закусываю. Так можно черт знает до чего дойти! Сами понимаете, если будем давать ход таким провокациям, то никогда не расстанемся со своим алкогольным прошлым. А оно ведь наше, общее.

Теперь о программе. Переход на трезвые рельсы должен быть мирный и постепенный. Нельзя, понимаете, чтобы пьяницам перестали продавать спиртное сразу, в один день. От этого могут возникнуть тяжелые социально-психологические последствия. Надо быть гибче. У меня есть конкретные соображения по этому поводу. В качестве первого шага предлагаю провести научно-практическую конференцию на тему «Пиво — враг алкоголя!».

И еще вот о чем. За последние десятилетия некоторые наши члены запятнали свое доброе имя. Поэтому предлагаю изменить вывеску нашего союза. Вместо «Союз непоколебимых трезвенников» взять новое название: «Союз порвавших с прошлым». Печатный орган «Антиалкогольная правда» назвать «Горькая правда». Программный лозунг оставить прежним: «Долой алкоголь и его противников!»

В заключение небольшое объявление. По случаю завершения выборной кампании сегодня будет устроена дружеская вечеринка. Напитки — с собой, закуска — за счет союза.

Перевел Игорь ИЛИНГИН.

Габриэль ЛАУБ (ЧСФР)

ВЛЮБЛЕННЫЙ БЕГЕМОТ

Бегемот влюбился в маленькую черную обезьянку. Пыхтя и посапывая, он вылезал из своего озерца, часами лежал под деревом и глазел на обезьянку, без умолку тараторившую и кувыркавшуюся с подружками. Он таращил на нее глаза с таким избытком нежного чувства и преданности, что это могло бы растрогать даже самое жестокое сердце. Однако у бегемота глаза вообще вытаращены, что у молодых мартышек только вызывает смех.

Когда он наконец признался обезьянке в любви, она стала так громко хохотать и верещать, что на эти звуки сбежалась целая орава обезьян. Услышав новость, они принялись раскачиваться на хвостах и прыгать с ветки на ветку, подняв при этом жуткую трескотню. На суше бедняге-бегемоту от них было деваться некуда. Он еле-еле доплюхался до водоема и нырнул на самое дно.

И все же в хохоте черной обезьянки было много гордости, а в трескотне ее подруг — немало зависти. Все-таки бегемот — животное крупное и, что бы там ни говорили, достаточно солидное.

Когда бегемот снова появился на берегу, черная обезьянка завела с ним разговор о наиболее модных образцах попугаичных перьев и о грандиозной вечеринке, которую макаки собираются устроить на банановой плантации.

Бегемот ни бельмеса не смыслил во всей этой болтовне и все же с удовольствием слушал, испытывая при этом блаженство. Ему так хотелось, чтобы любимая заметила его огромное чувство. Однако морда бегемота не может столь тонко выражать эмоции, как, скажем, лицо какого-нибудь резуса или даже шимпанзе. Счастливый бегемот, поверьте, выглядит так же, как и несчастный.

На обезьянку ее молчаливый кавалер наводил скуку, но ей льстило то, что все видят, как она прыгает на голове такого большого животного или как она ездит на нем верхом.

Он ее любил все больше и больше. Он видел, что его не понимают, и тяжело вздыхал. При этом широко раскрывал пасть, чем только пугал обезьянку. Он хотел очаровать ее своей улыбкой и раскрывал пасть еще шире, пугая обезьянку еще больше. Он бы с удовольствием приложил ее лапку к своей груди, чтобы любимая почувствовала, как учащенно бьется его сердце, но разве можно уловить биение сердца у такой огромной туши?

...Она сбежала с каким-то краснозадым павианом, который на одной из пальм сгреб ее в охапку и уволок с собой. Бегемот страдал и хотел умереть. Он решил утопиться, но потом вспомнил, что наполовину является водным животным и что отлично умеет плавать. Хотел повеситься, но никакая лиана не могла выдержать три тонны его живого веса. Хотел прыгнуть вниз с высокого дерева, однако попробуйте вскарабкаться на дерево, если вы бегемот.

Так горемыка в отчаянии бродил по лесу, а потом грустно лежал на месте своих былых свиданий с любимой. Скорбно таращил глаза и вздыхал. Но ведь несчастный бегемот выглядит так же, как и счастливый.

Обезьяны прыгали вокруг него и над ним, возмущенно выкрикивая:

— Вы только взгляните на него! Эта вертихвостка сбежала от него с другим, а он хоть бы хны! Нет, его ничем не прошибешь — он ведь толстокожий!

Из журнала «Новый дикобраз» перевел Г. ДУНДА.

Вы проиграли, господин Маркс!

КОММУНИЗМ КАПИТАЛИЗМ

В. МОЧАЛОВ.

75 коп. Индекс 70448.

НАШ ЧЕЛОВЕК В КИОТО

Со стр. 13.

